

Д. В. Мосяков, А. А. Королев

**Процессы
глобализации:
есть ли плюсы
для России?**

Самое простое понимание глобализации, широко распространенное в массовом сознании

и среди значительной части политической и журналистской элиты нашей страны, состоит в том, что эти процессы не более чем попытка установления и закрепления мирового господства со стороны единственной оставшейся после распада Советского Союза сверхдержавы — Соединенных Штатов Америки. Под привлекательным лозунгом развития глобализации в различных сферах скрываются на самом деле процессы экономического, политического и культурно-духовного подчинения различных стран, утрата ими реального суверенитета и создание предпосылок для иностранного вмешательства в их внутренние дела. Происходит и процесс эрозии традиционных для различных стран духовных ценностей и образа жизни, замена их стандартизированным набором представлений, заимствованных из так называемой американской массовой культуры.

В рамках такого понимания глобализации практически все новые механизмы регулирования международных отношений типа международных экономических форумов, разного рода международных судов и трибуналов, «гуманитарных» вмешательств и интервенций, рассматриваются как приводные механизмы установления монопольной власти одной сверхдержавы, призванные наполнять конкретным содержанием и реально продвигать вперед этот процесс.

Если согласиться с таким достаточно логичным и на первый взгляд вполне справедливым суждением, то глобализация ничего, кроме угроз национальной безопасности и целостности России, ее культурно-духовной идентичности, не несет. Этот вывод вы-

глядит тем более справедливым, ибо до сих пор при решении ключевых проблем глобально-

го экономического сотрудничества и в рамках «большой семерки» (у нас ее почему-то называют «восьмеркой», хотя ключевые экономические проблемы обсуждаются без участия России), и в рамках большинства значимых европейских или азиатско-тихоокеанских региональных форумов мнение и интересы России практически не учитываются или учитываются в последнюю очередь. То же самое можно сказать и о работе международных трибуналов и во многом определяющих мировой политический климат информационно-телекоммуникационных компаний и агентств.

Конечным результатом рассуждений в рамках вышеприведенного понимания процессов глобализации является вывод о том, что сохранение взятого еще на заре перестройки политико-экономического курса на так называемое «вхождение в мировую семью народов», на привлечение в Россию иностранных инвесторов и капитала, согласие на глубокое разоружение и на многое другое, что связано с реализацией внешнеполитического курса «с опорой на Запад», лишь отвечает интересам тех, кто стремится в кратчайшие сроки превратить Россию в зависимую и подчиненную чуждым ей интересам державу.

В то же время очевидно, что этот вывод заводит нас в логический тупик, ибо реальных позитивных контраргументов существующей политике «опоры на Запад» на данный момент нет. Популярные в определенных кругах рассуждения о российском евразийстве, идеи разнообразных союзов с азиатскими региональными сверхдержавами вро-

де Китая или Индии выглядят эфемерно и малоубедительно. Но главное в том, что все эти альтернативы совершенно не приближают Россию к главной цели всего нынешнего политического и экономического этапа развития — глубокой внутренней модернизации всех сторон жизни, выходу на новые уровни в технологическом оснащении, промышленном производстве, качестве вооруженных сил и качестве жизни населения. Еще меньше приближают нас к этим целям призывы к автаркии и к самоизоляции, всемерной опоре на собственные силы, к отказу от широкомасштабного экономического и культурно-политического сотрудничества с США и странами Запада либо даже противодействию им в союзе с так называемыми странами-изгоями вроде Ирака, Ливии или Северной Кореи.

Очевидно, что подобные ответы на современные вызовы были бы губительны для России и, в конечном итоге, быстрее привели бы страну к распаду и подчинению, чем даже в условиях расширения не всегда равноправных контактов и связей с Западом.

В этой связи возникает потребность глубже понять, а что, собственно, представляют собой современные процессы глобализации на самом деле и не является ли вышеописанная, так сказать, самая простая парадигма этого явления существенным упрощением этого процесса, его примитивизацией. Ведь если под глобализацией понимать возникновение нового, более сложного и более взаимосвязанного, чем нынешний, мира, где будет происходить сотрудничество-соперничество нескольких групп стран или нескольких цивилизаций, то неизбежно изменение нашего отношения к этому процессу.

В современной политологии под процессами глобализации обычно понимают установление нового типа отношений и взаимозависимостей в экономике, политике и культуре. Точную дату начала этих процессов определить трудно. Некоторые аналитики ведут отсчет эпохи глобализации чуть ли не с путешествий Васко да Гама и Магеллана

и Великих географических открытий, другие, наоборот, отсчитывают ее начало со значимых политических событий — падения Берлинской стены и распада Советского Союза либо технологических перемен — революций в компьютерных и информационных технологиях, стремительного распространения мировой информационной паутины — Интернета.

Как это ни парадоксально прозвучит, но все вышеприведенные мнения относительно точки отсчета глобализации являются вполне правомерными. Дело в том, что глобализация сама по себе совсем не является каким-либо единым процессом. Так, есть мнение, что мир глобализован на 70% (А. Пушков). Скорее это набор некоторого числа более или менее тесно связанных друг с другом процессов, экономических, политических культурных, информационных, которые развиваются асинхронно, но продвигают мир к совершенно новым взаимосвязям и взаимозависимостям. Так, например, глобализация мировой экономики означает:

а) выход интересов национальных корпораций и капитала за национально-государственные границы, создание и развитие транснациональных экономических и финансовых структур;

б) переход «частных» экономических проблем наиболее развитых стран на глобальный, мировой уровень влияния, когда, например, от «здоровья» американской либо японской экономик зависит экономическое положение большинства других стран мира;

в) необходимость для транснациональных экономических и финансовых структур распространять свою деятельность на весь мир, использовать либо учитывать практически все известные в мире природные ресурсы и тем самым формировать единое мировое экономическое пространство;

г) формирование мирового экономического пространства еще и на основе повсеместной либерализации законодательств различных стран в области торговли и ино-

странных инвестиций. В известном докладе ООН о развитии человечества отмечается, в частности, что «за последние годы все возрастающее число развивающихся стран приняло принцип открытой торговли, уходя от импортозамещающей политики. К 1997 г. Индия сократила свои тарифы в среднем с 82% до 30%, Бразилия с 25% в 1991 г. до 12% и Китай с 43% в 1992 г. до 18%».¹

Одновременно с этим «в 1991 г. 35 стран ввели изменения в 82 режимах регулирования, причем в 80 случаях из них были предусмотрены меры по либерализации или по привлечению прямых иностранных инвестиций. В 1995 г. темп изменений ускорился; уже большее число стран — 65 — находились в состоянии изменения режима регулирования, продолжая двигаться в сторону либерализации»²;

д) непрерывное нарастание масштабов перемещения по миру капиталов, товаров и рабочей силы, резкое обострение проблем, связанных с миграцией больших групп населения.

Таким образом, вся содержательная часть процесса экономической глобализации подводит мир к необходимости глобализации политической, т. е. создания в конечном счете единого мирового правопорядка как важнейшего условия для стабильного и предсказуемого экономического взаимодействия различных стран и транснациональных корпораций.

Этот вывод служит определенным связующим звеном процессов экономической и политической глобализации. По сравнению с экономической политическая глобализация в мире развивается существенно более медленными темпами и встречает намного более активное противодействие, ибо речь в конечном счете идет о сохранении национальными государствами своего суверенитета, а этническими общностями, и особенно их политическими элитами самостоятельности и привычного образа жизни.

Существенные изменения, которые внесит политическая глобализация в международную жизнь, состоят в том, что политические события в той или иной стране, которые по принятым в традиционных международных отношениях нормам являются внутренним делом суверенных государств, таковыми по новой логике уже не являются. Общепринятый с незапамятных времен принцип о недопустимости вмешательства извне со стороны других стран во внутренние дела суверенного государства отходит на второй план. На первый же план выдвигаются совершенно иные принципы, которые начинают (или должны в недалеком будущем начать) определять всю конфигурацию международных отношений. Среди таких новых глобальных принципов идея полного обеспечения прав человека (при этом сам набор этих прав буквально списан со статей американской Конституции), идея поддержания всеобщей политической стабильности, достигаемой посредством дозированного вмешательства во внутренние дела суверенной страны, события в которой могут подорвать сложившийся международный порядок, идеи абстрактной справедливости вроде восстановления прав малых народов, которые угнетаются крупными нациями.

В зависимости от конкретных интересов Соединенных Штатов Америки и Запада в целом набор этих идей может варьироваться в довольно широких пределах, однако существенным представляется то, что теоретические и умственные изыскания относительно соблюдения прав человека или малого народа являются сегодня не простыми политическими или гуманитарными декларациями, как это было раньше. «Защита» этих прав опирается на все более агрессивные военно-политические структуры и механизмы. Чаще всего в этой роли выступают непосредственные вооруженные вмешательства, осуществляемые в рамках так называемых «гу-

¹ Human Development Report. 1999. P. 29.

² Ibid. P. 29.

манитарных миротворческих интервенций» (Камбоджа, Сомали, Югославия и др.), а также распространение международных санкций против «плохих» режимов (Северная Корея, Ливия, Иран), а иногда и сочетание того и другого метода (Ирак).

Не менее существенные перемены вносят в структуру международных отношений и в глобальную расстановку сил информационно-технологическая глобализация. Темпы ее развития просто ошеломляющие. В первой книге Д. Белла о постиндустриальном обществе, изданной всего лишь 30 лет тому назад — в 1973 г.¹, слово «компьютер» употребляется всего три-четыре раза. Об Интернете и глобальных коммуникациях еще и речи не было, тем не менее, уже там прогнозировалась огромная роль компьютеров в будущем, указывалось, что именно компьютер должен стать главным орудием еще неведомых тогда «интеллектуальных технологий».

Сегодня нелегко даже просто перечислить те сферы деятельности, которые охвачены компьютерным программированием и обслуживанием, и те масштабные изменения, которые они с собой принесли. В информационно-технологической сфере перемены в полном смысле носят революционный характер. Четверть века назад лидер компьютерных и телекоммуникационных сетей — система спутниковой связи (ИНТЕЛСАТ) одновременно принимала 240 разговоров через Атлантику. Сегодня 120 тыс., причем стоимость разговора упала в 10 раз. Аналог ИНТЕЛСАТа в финансовой сфере международная финансовая коммуникационная система (СВИРТ) включает в себя ныне более 200 тыс. мониторов, установленных в 2 тыс. банках 50 различных стран, в том числе и России. Продолжает расти практически всеохватывающий Интернет. Любой обладатель персонального компьютера может активно участвовать в международном общении, получать огромный объем информации со всего мира.

За всеми этими революционными изменениями и технологическими сдвигами нельзя забывать и о том, что смысл и цели процессов глобализации в этой сфере не только в том, чтобы реально приблизить народы и континенты, но и в том, чтобы создать информационно-идеологическую основу для так необходимого лидерам экономической и политической глобализации нового мирового порядка. Посредством информационных технологий, контролируемых политической и интеллектуальной элитами Запада, во всем мире идет распространение западных (скорее даже американизированных) стандартов в обыденной жизни (стиль отношений в семье и с окружающими, оценка тех или иных поступков), в трудовой этике, в формировании определенных целей, интересов и предпочтений у людей, особенно молодых, принадлежащих к различным этническим общностям.

Результат такого процесса виден уже и сегодня невооруженным глазом — появление в разных странах и на разных континентах больших групп людей стандартизированной культуры и мышления, которые по общему и вполне предсказуемо реагируют на те или иные события или известия. Основная же цель глобализации в этой сфере в конечном итоге состоит в реальном управлении из одного центра реакциями больших групп людей, принадлежащих к различным типам культур.

Естественно, что вышеназванные процессы (экономика, политика и духовно-культурная сфера) не исчерпывают понятия глобализации как мировой тенденции. Существует еще великое множество названий типа глобализации экологической и даже исторической. Россия реально имеет дело именно с выделенными нами тремя основными процессами и задача состоит в том, чтобы определить, насколько процессы экономической, политической, информационно-технологической и духовно-культурной глобализации могут помочь нашей стране преодолеть слож-

¹ См.: Bell D. The Coming of Postindustrial Society. A Venture in Social forecasting. N.Y., 1973.

ный этап модернизации, обеспечить национальную безопасность и национальные интересы, а главное, занять устойчивое и влиятельное положение в мире.

*ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ОТВЕТЫ
РОССИИ НА ПРОЦЕСС
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Единственным реальным ответом России на многочисленные вызовы глобализации является проведение политики адаптации к происходящим процессам, все иные ответы — от автаркии и до жесткого противостояния — представляются, как мы уже отмечали, еще более губительными и опасными для будущего страны.

При оценке характера экономической глобализации надо реально понимать, что этот процесс в значительной степени опирается и развивается в рамках определенной идеологической доктрины, которую в нашей научной литературе часто называют неолиберализмом (в Америке неоконсерватизмом). Материальным основанием этой одной из господствующих ныне экономических моделей является возникновение бесчисленного количества транснациональных корпораций, перелив экономической деятельности через национальные границы, либерализация движения капиталов, торговли и инвестиций, быстрый прогресс в компьютерных и информационных технологиях.

Россия уже имела возможность познакомиться с некоторыми аспектами этой концепции, предполагающей исключение из хозяйственного механизма регулирующего клапана в лице государства и ориентацию на фактическое и монопольное господство рыночных сил. В неолиберализме, как отмечает известный специалист по этой проблеме В. Коллонтай, основной акцент делается на форсированной гомогенизации (на жесткой монетаристской основе) механизмов хозяйственного регулирования стран, входящих в мировое экономическое пространство. Ос-

новным, если не единственным регулятором развития провозглашается стихийный рыночный механизм, в то время как весь национально-хозяйственный комплекс, суверенитет, отчасти даже само государство рассматриваются как отмирающие категории. При этом, что характерно, их быстрейшее преодоление преподносится и как ключевая цель, и как залог успеха, а ослабление хозяйственной роли государства в русле широкой приватизации, внутренней либерализации и дерегулирования основных отраслей рассматривается сторонниками неолиберализма как позитивное развитие в правильном направлении¹.

Сегодня адепты неолиберальных идей активно пропагандируют в качестве нового шага в углублении процессов экономической глобализации различные проекты, связанные с изъятием операций корпоративного бизнеса из системы национального регулирования, т. е. фактически из-под компетенции национальных правительств, и перевод их бизнеса в некое международное измерение. Естественно, что в рамках планируемого «международного измерения», или, как его еще называют, «нового экономического пространства», контроль суверенных правительств над корпоративным бизнесом либо не предусматривается вообще, либо сохранится, но в крайне незначительном объеме.

Из всего вышеизложенного со всей очевидностью следует, что найти что-либо положительное для развития и укрепления экономики России в рамках неолиберальной модели очень сложно. Эта модель отражает главным образом интересы наиболее сильных и развитых государств мира, уже занявших практически монопольное положение в мировой экономике и на глобальных товарных рынках.

Что же касается России, то она не принадлежит к этой группе стран и, скорее, является не субъектом, а объектом иностранной экспансии. России еще только предстоит

¹ См.: об этом подробнее: Мировая экономика и международные отношения (МЭ и МО). 1999. №10. С. 4.

в условиях жесткой конкуренции искать ниши на уже сложившихся международных рынках. В настоящее же время ее доля в международной торговле слишком мала, а производство слишком отстало от мировых стандартов, чтобы чувствовать себя уверенно в меняющемся в сторону глобализации мире. Тенденции ее развития сегодня таковы, что если не внести существенные коррективы, то уже к концу следующего десятилетия в России, по мнению специалистов из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, окончательно сложится модель экономики периферийного типа, основными чертами которой являются доминирование сырьевого экспорта, отсутствие внутренних источников развития — инновационного и инвестиционного потенциалов, низкий уровень жизни большей части населения, а также расходов на социальные нужды — образование, здравоохранение и социальное обеспечение¹.

Но, как известно, безвыходных ситуаций нет. Даже в такой нерадостной перспективе, где налицо одни минусы и реальные угрозы национальному суверенитету и безопасности, можно найти такие подходы и проводить такую политику, чтобы, с одной стороны, минимизировать минусы, а с другой — усиливать реальные или возможные плюсы. Ведь очевидно, что из-за неравномерности процессов глобализации происходит определенный временной сдвиг в их развитии и, например, без новых подвижек в процессе политической глобализации неолиберализм сам по себе имеет мало шансов на упрочение своего господства в мире в ближайшей перспективе.

На пути к его окончательной победе существует еще слишком много препятствий как идеологических — обращение политических элит в большинстве стран мировой пе-

риферии к исходным ценностям, к родовым обычаям, к религиозным устоям, к патетике архаичных отношений, так и политических в лице фундаменталистских и антиглобалистских политических движений, устойчивых антиглобалистских настроений сторонников сохранения национально-государственных суверенитетов в политических элитах развивающихся стран и противников глобализации в политических элитах стран Запада. Их сопротивление, как и относительно независимые позиции крупных азиатских стран вроде Индии и Китая, твердо выступающих за сохранение полного контроля со стороны национального государства за экономическими (не говоря уже о политических и информационно-технологических) процессами в стране, еще следует преодолеть, прежде чем праздновать полную и окончательную победу неолиберальных ценностей.

Более того, еще не совсем ясно, хватит ли у стран — инициаторов глобализационных процессов сил, а главное — ресурсов для реализации их планов. Ведь успех глобализации может быть достигнут лишь тогда, когда реальные перемены, связанные с изменением качества и образа жизни, произойдут в подавляющем большинстве стран мира. Пока же вырисовывается совершенно иной проект — так называемый «золотой миллиард» избранных и остальные миллиарды, обреченные прозябать на периферии и задворках «первого мира». Очевидно, что развитие глобализационных процессов в рамках такой парадигмы неизбежно вызовет в ближайшее время лишь усиление мировых противоречий и конфликтов, которые создадут непреодолимые барьеры на пути глобализации.

Вполне вероятно, что кризисные тенденции, обозначившиеся в мировой экономике

¹ См.: Экономика России в наступающем десятилетии. Угрозы и альтернативы развития / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования ИИП РАН. М., 1999. С. 29. В своей книге Б. Кагарлицкий, директор Института проблем глобализации, «Периферийная империя» (М., 2004), опираясь на миросистемный анализ, дает общий рецепт: судьба России неотделима от истории человечества. И бороться за лучшее будущее для себя мы способны, лишь попытавшись построить мир для всех.

в последнее время, есть отражение этого двуединого процесса — с одной стороны, очевидного недостатка ресурсов наиболее развитых стран для того, чтобы поставить под свой контроль все наиболее значимые социально-экономические и военно-политические процессы на нашей планете, а с другой — все более ожесточенного сопротивления, с которым сталкиваются глобализаторы практически во всех незападных государствах.

В любом случае очевидно, что весь этот комплекс проблем и преград на пути глобализации так или иначе дает России время для адаптации национальной экономики к новым вызовам и поиска оптимальной модели приспособления к меняющемуся миру.

В связи с этим представляется, что фундаментом политики национальной адаптации должно стать разумное сочетание внутренних структурных реформ в экономике с безусловной защитой собственного рынка и в то же время постепенное (по мере увеличения конкурентоспособности отдельных отраслей и производств) открытие внутренних рынков для иностранной конкуренции. Должно быть сделано примерно то, что известнейший китайский экономист Фань Ган предложил руководству своей страны в качестве разумного ответа на вызовы глобализации. В соответствии с его точкой зрения, нашедшей позитивный отклик в высшем китайском руководстве, необходимо «сбалансировать реформу и открытость», добиваться «скоординированной открытости посредством искусства экономической политики». «Ты должен открываться, — пишет Фань Ган, — однако думать при этом о реформе внутри страны, о развитии экономики в целом, нельзя действовать слишком быстро, нельзя чрезмерно открываться»¹.

Нет смысла в этой статье приводить доказательства правильности такой политики. Достаточно посмотреть на показатели китайской экономики — одной из самых быстро развивающихся в Азии и в мире, привле-

кающей огромные потоки иностранных инвестиций, завоевывающей все новые рынки для своей продукции. Более того, несмотря на довольно высокий естественный прирост (особенно в сельской местности), в стране заметно сократилась численность населения, находящегося на самом дне нищеты. По оценке Всемирного банка, в промежутке между 1987 и 1998 г. доля получателей доходов, не превышающих один доллар в день, уменьшилась с 27% до 15% от общей численности населения².

Если хотя бы в общих чертах следовать основным принципам китайской экономической политики, то, несомненно, Россия сможет более успешно, чем ныне, воспользоваться *одним из основных преимуществ и плюсов, которые может принести глобализация, — ощутимым увеличением притока иностранных инвестиций в страну.*

Еще одним плюсом глобализации может стать постепенное вхождение российских производств в мировое разделение труда и в мировые рынки.

Наиболее легкий путь для достижения этого — превращение отдельных отечественных предприятий, желательно слабоконкурентоспособных, в интегральные составляющие транснациональных корпораций. Такой путь откроет им новые источники финансирования, а их продукции — кратчайшую дорогу на мировые рынки.

В этой связи следует более внимательно проанализировать ситуацию, которая складывается в тенденциях развития и в расстановке сил транснациональных корпораций. Сегодня в этой сфере странным образом сочетаются два взаимно противоположных процесса — довольно хаотического дерегулирования и централизации. В мире действуют 35 тыс. транснациональных корпораций, но по-настоящему крупными являются не более сотни. По оценкам журнала «Экономист», пять крупнейших ТНК контролируют более половины мирового производства то-

¹ Цит. по: Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм. М., 2001. С. 39.

² Азия и Африка сегодня. 2002. №5. С. 6.

варов длительного пользования, самолетов, электронного оборудования, автомобилей и другой продукции. Шесть промышленных гигантов обеспечивают три четверти добываемой в мире нефти и 95% железной руды. Особенно значительна степень концентрации в отраслях, связанных с информационными технологиями. Например, 2–3 компании практически контролируют международную сеть телекоммуникаций¹.

Экономическая мощь крупных транснациональных корпораций вполне сравнима с внутренним национальным продуктом (ВВП) средних государств, и они способны диктовать, и в реальной жизни диктуют, свою волю правительствам различных стран мира. Рыночная капитализация компании «Майкрософт» приближается к ВВП Индии, а объем продаж «Дженерал Моторс», «Форд», «Мицубиси» и других сравним с ВВП Индонезии, Турции и Таиланда.

При этом очевидно, что воздействие ТНК на хозяйственно-экономическое развитие различных государств достаточно противоречиво. С одной стороны, они находятся под полным контролем и служат интересам политических элит наиболее крупных и экономически развитых держав мира, прежде всего США. С другой — они, как уже отмечалось, господствуют на большинстве значимых международных рынков и, кроме того, являются одними из основных каналов движения капиталов, особенно в форме прямых инвестиций с финансовых рынков центра к развивающимся регионам мировой периферии. В последнее время роль их в этом процессе непрерывно нарастает.

Так, например, еще в 1990 г. ведущие мировые державы, действуя либо в индивидуальном порядке, либо через международные институты типа Всемирного банка, обеспечили, согласно оценкам Вашингтонского Института международных финансов, половину общей суммы займов и кредитов 29 крупным

развивающимся странам, включая Бразилию, Китай, Индию, Южную Корею и Мексику. Однако через десять лет, к 2000 г., потоки частного капитала, в значительной степени шедшие по каналам транснациональных корпораций, даже несмотря на азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., стали намного превосходить государственные капиталовложения. По данным Института международных финансов, в 1999 г. частные средства, направленные тем же 29 развивающимся странам (банковские займы, финансирование облигаций, вложения в локальные рынки акций и прямые инвестиции транснациональных компаний), составили 136 млрд. долларов против 22 млрд., поступивших из государственных источников.

Экспансия транснациональных корпораций в мире достигла сегодня рекордных значений. Только, например, за первые шесть месяцев 1999 г. общий объем новых слияний и поглощений, осуществленный, так сказать, поверх государственных границ и финансовых институтов в развитых и развивающихся странах, превысил 500 млрд. долларов. Он почти достиг соответствующего показателя за весь 1998 г. (544 млрд.) и чуть ли не в шесть раз обогнал показатели 1991 г. — 85 млрд. долларов². Все эти цифры, несомненно, дают зримое представление о масштабах, темпах и тенденциях процессов экономической глобализации.

Другое явление, связанное с деятельностью ТНК, — формирование в полном смысле глобальных рынков и соответствующих глобальных производств. Буквально на наших глазах в рамках внутрикорпоративных связей ТНК рождается принципиально новая организация производства, когда в изготовлении комплектующих и окончательного продукта участвуют предприятия из десятков стран мира.

Доля ТНК с глобальной организацией производства в общем объеме продукции

¹ Хорос В. Г. Постиндустриальный мир: ожидания и реальность // Постиндустриальный мир и Россия. М. 2000. С. 13.

² Рамзес В. Глобализация стучится в дверь // Азия и Африка сегодня. 2002. №5. С. 5.

непрерывно возрастает. В 1996 г. именно они выпускали 15,8% продукции американской обрабатывающей промышленности против 8,8% в 1985 г. и 13,2% в 1989 г. Если в 1989 г. на их предприятиях было занято 10,8% от общего числа работников в стране, то в 1996 г. — 11,4%¹.

Традиционно в России привыкли относиться к транснациональным корпорациям более чем сдержанно. Такой подход сложился еще с советских времен, когда наши ученые и политики видели в них главным образом орудие неокOLONиализма, новую форму зависимости развивающихся стран от бывших колониальных метрополий. Этот взгляд являлся тогда и, без сомнения, является и ныне, вполне правомерным, ибо отрицательных примеров деятельности ТНК и в сфере экологии и хищнического освоения минеральных и природных ресурсов, и росте коррупции и политической нестабильности в различных странах мира не счесть.

Более того, критики глобализации обвиняют ТНК еще и в том, что они уничтожают рабочие места, подрывают конкурентные им сферы национальных экономик, развивают не те производства, которые выгодны суверенным государствам, а те, что выгодны только им. В этих доводах, несомненно, есть рациональное зерно, но в то же время если отойти от традиционных клише и собрать и проанализировать реальную экономическую информацию, то выяснится, что роль транснациональных корпораций не так уж и деструктивна.

Во-первых, как уже отмечалось, посредством ТНК в развивающиеся страны мировой периферии поступает основной поток прямых инвестиций. С их помощью в этих странах развиваются или модернизируются наиболее современные производства. При этом, что характерно, заработная плата их работников, как правило, выше средних национальных показателей: в Японии на 35%,

в развивающихся странах от 5% до 40% и даже в США на 6%².

Во-вторых, в большинстве стран, где активно действуют ТНК, они создают рабочие места намного быстрее своих внутринациональных конкурентов. Так, в 1989–1996 гг. персонал транснациональных компаний в США увеличивался на 1,4% в год, тогда как соответствующий показатель для местных фирм равнялся 0,8%.

В развивающихся странах в рамках ТНК готовятся наиболее квалифицированные кадры менеджеров как в сфере финансов, так и промышленности, способные работать на международном уровне в условиях развивающейся глобализации.

В-третьих, как выясняется, именно транснациональные корпорации осуществляют на местах крупные вложения в научные исследования и разработки. В 1996 г., например, на них пришлось порядка 12% всех американских расходов на эти цели³.

В-четвертых, транснациональные корпорации, как правило, экспортируют и из развитых, и из развивающихся стран мировой периферии больше продукции, чем местные. В 1996 г., например, они вывезли из Японии 13,1% произведенной ими продукции, а местные компании лишь 10,6%.

Естественно, что вышеперечисленные плюсы от деятельности ТНК нельзя преувеличивать. Более того, чтобы по максимуму их получать, необходимо выстраивать с ТНК конструктивные и равноправные отношения, не попадая в зависимость как от их внутрикорпоративных интересов, так и финансовых вливаний. Отношения России с ТНК должны преследовать следующие основные цели:

- а) защита наиболее важных для национальной безопасности современных производств, особенно в сфере оборонной промышленности;
- б) недопущение скупки и последующего разорения наиболее существенных отраслей

¹ The Economist. 2000. 01. 08.

² Ibid.

³ Ibid.

национальной промышленности, которые с точки зрения интересов ТНК являются излишними или могут выступать конкурентами их продукции.

в) установление жестких рамок деятельности ТНК в стране, недопущение их в сырьевые сферы российской экономики, канализация их интересов в сфере высоких технологий.

При этом крайне важно понять тот факт, что в отличие от стран мировой периферии, давно превратившихся в объекты экспансии ТНК, Россия еще имеет возможность выступить как равноправный партнер самых крупных ТНК, ибо наша страна способна в принципе использовать иной, альтернативный ТНК источник экономического развития — инвестиции, непосредственно поступающие из российского бюджета и формирующиеся за счет экспорта из России сырья, и прежде всего нефти и газа.

Таким образом, разумная, рассчитанная на несколько лет вперед адаптационная политика может позволить России избавиться от так называемой сырьевой зависимости, когда вся жизнь страны зависит от стоимости энергоносителей в мире, и максимально использовать плюсы экономической глобализации. За относительно короткое время либо на основе взаимовыгодного сотрудничества с ТНК, либо путем расширения внутренних инвестиций вполне реально повысить производительность труда в основных отраслях промышленности, модернизировать их за счет притока иностранного капитала, увеличить их конкурентоспособность и эффективность, ввести их на мировые и товарные рынки (примеры успешности такой политики в российской экономике уже есть, в частности в табачной и пивоваренной промышленности).

Только таким путем Россия сможет извлечь реальные плюсы от процессов экономической глобализации.

Естественно, что в случае отсутствия у руководства страны разумной адаптационной политики рассуждать о плюсах экономиче-

ской глобализации для России просто бессмысленно. Страна будет обречена на длительное прозябание на дальней периферии мировых интеграционных процессов, а ее независимость и суверенные права окажутся в недалеком будущем под серьезной угрозой.

ВЫЗОВЫ И ОТВЕТ РОССИИ НА ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы политической глобализации, как уже отмечалось, несут реальную угрозу суверенитету любого национального государства. Растущие как «грибы после дождя» различные международные организации — от благородных «Врачей без границ» до не менее благородных защитников прав человека и дикой природы — создают сложную сеть разного рода транснациональных связей и отношений. Они — совместно с международными политическими организациями типа ООН или Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), юридическими типа международных трибуналов под эгидой ООН, или экономическими вроде Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, или региональными, такими как Европейский Союз или Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), — создают материальную основу процессов политической глобализации.

Нельзя не отметить, что большинство из этих транснациональных организаций (за исключением, пожалуй, ООН) сформировались в свое время вне зоны советского и российского участия, и поэтому даже в постсоветскую эпоху возможности России серьезно влиять на их деятельность остались крайне ограниченными. Даже при том что Россия в течение 1990-х годов была принята почти во все из них, возможностей серьезно влиять на направление их деятельности она не получила. Более того, даже поверхностный анализ политики большинства значимых международных организаций свидетельствует о том, что находятся они под контролем политической и финансовой элиты стран За-

пада и служат совершенно иным интересам, чем российские. Часто они могут выступать и как каналы непосредственного политического давления на Россию, когда политическим силам Запада требуется предлог для вмешательства во внутренние дела нашей страны. Примером здесь может служить деятельность ОБСЕ, ПАСЕ в России в период первой и второй чеченских войн.

Из всего вышесказанного следует, что Россия не только не контролирует, но даже не имеет серьезного источника влияния на всю эту транснациональную сеть глобализующегося мира, и в связи с этим *серьезно рассуждать о плюсах политической глобализации для России просто нельзя*. Эти плюсы намного менее очевидны, чем при экономической глобализации.

В то же время можно повернуть эту проблему и несколько иным образом: *смысл политической глобализации для России должен состоять в том, чтобы занять такое политическое положение в мире, когда в наиболее полной мере сохраняется ее государственная независимость и в то же время защищаются национальные интересы*. Выполнить эту задачу можно только одним путем — занять достойное место в складывающейся на наших глазах сложной иерархии глобализующихся государств.

В нашумевшей в свое время книге «Готовясь к вхождению в XXI век»¹ известный канадский ученый Пол Кеннеди на первое место по степени выживаемости и влияния в новом веке поставил Японию, вслед за ней по его классификации идут страны Европейского Союза, США, а также отдельные наиболее быстро развивающиеся страны с азиатской периферии вроде Сингапура или Тайваня. Кроме предложенной Кеннеди существуют и другие классификации будущих мировых государств-лидеров, но все они очень похожи друг от друга. Набор стран, в принципе, везде одинаков, только кто-то (чаще всего американские политологи) ставят вперед США, а кто-то — Европу. Что

касается России, то в списках будущих стран — мировых лидеров она вообще не упоминается.

Следует признать, что, как и в случае с экономической глобализацией, автоматических плюсов для России от процессов политической глобализации пока не просматривается. Для того чтобы получить эти плюсы, требуется сначала сформулировать, а потом уже твердо придерживаться определенного политического курса, основанного, как представляется, на абсолютном главенстве всей иерархии национальных приоритетов. В современном мире, пронизанном информационными мифами и ложными целями, только так можно твердо следовать прагматичной политике.

Нельзя забывать, что на протяжении многих веков Россия была субцентром огромного евразийского пространства, странной, способной осуществлять самостоятельное национальное развитие. Сегодня такое положение, как уже отмечалось выше, находится под угрозой. Распад Советского Союза, расчленение единого в прошлом евразийского пространства, когда одна его часть ассоциирует себя с исламским культурно-цивилизационным ареалом, а другая — с западным, уменьшение численности русского народа и резкое сокращение его жизненного пространства создают условия для исчезновения России как культурно-цивилизационного субцентра.

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Исследователи и практики обращают внимание в основном на проблему воздействия глобализации на экономическую, социальную и политическую сферы жизни общества. Культурная, особенно духовно-религиозная, сфера подвергается менее всего осмыслению. Но социокультурные последствия глобализации не менее разительны, чем, скажем, в экономике.

¹ Preparing for the XXI century. N. Y. 1994.

Мировое сообщество отреагировало на геокультурный, цивилизационный сдвиги, происшедшие в последнее время. В частности, была принята программа ЮНЕСКО «На пути к культуре мира». Этот гуманистический манифест рассматривает ключевые идеи нового мирового порядка, основанного на диалоге цивилизаций. Он явился своего рода прямым ответом С. Хантингтону, известному своими трудами о неизбежном столкновении цивилизаций¹.

Словосочетание «культура мира» выступает антиподом так называемой «культуры войны», несет в себе мощный заряд философии созидания (а не разрушения) и миротворчества, включает в себя не только культурологический, но прежде всего социальный, политологический и международный аспекты². Примечательно, что группа выдающихся интеллектуалов, представителей разных культур и народов, «мудрецов ООН», среди которых Рихард фон Вайцеккер (Германия), Жак Делор (Франция), Сергей Капица и др. (всего 21 человек), представили в 2002 г. свой труд «Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями»³. В этом труде они попытались выработать новую парадигму взаимоотношений между народами и культурами в глобализирующемся мире.

Несмотря на инерционность сознания, национальные предрассудки как больших, так и малых народов, шовинизм сильных мира сего, которые с позиции силы и диктата пытаются определить сферу своих национальных интересов и готовы осуществить агрессию (интервенцию), «гуманитарную» или иную, в современном мире пробивают себе дорогу хрупкие ростки миропонимания, толерантности и диалога цивилизаций.

Проведены в столице и регионах научно-практические конференции, симпозиумы и другие мероприятия. Открыты более десяти кафедр ЮНЕСКО в высших учеб-

ных заведениях. Стараниями И. М. Ильинского создан в МосГУ Международный институт ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократию», территория университета объявлена «Территорией культуры мира», проведены международная конференция «Молодежь и общество на рубеже веков», «круглый стол» студентов вузов страны по проблемам культуры мира.

Каток глобализации (читай: вестернизации!) прошел по национальным культурам, традициям, обычаям, по душам как деятелей культуры, так и граждан (обывателей) — как принято говорить, простых людей. Уже не зазорно для значительного числа художественной элиты считать себя космополитами и пацифистами, словно государством можно напрочь пренебречь и о его защите совсем не помышлять. «Гражданин мира» писатель Василий Аксенов, долгое время профессорствующий в университетах США, сделал заявление: я — космополит, меня устраивает время от времени наезжать в Россию. Ему вторит на страницах российской центральной газеты не менее известный литератор и дипломат Чингиз Айтматов: «Я — космополит». Их взгляд разделяет эстрадный исполнитель Михаил Шуфутинский, курсирующий между Москвой и Брайтон-Бич: «Жить хорошо в Америке, но в России хорошо зарабатывать деньги». Ныне актуально звучит горьковский вопрос: «С кем вы, мастера культуры?». Увы, нет ответа...

В рамках глобализации по-американски идет наступление на русский язык, усиливаются в нем тенденции варваризации, латинизации. Примеров этому несть числа, особенно в музыкальных программах на телевидении — это сплошные слова-мутанты: МузТВ, ДТВ — *viasat*, *музinto* и др., т. е. эдакая причудливая смесь кириллицы с латиницей.

В условиях глобализации, когда наше государство в отличие, скажем, от француз-

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2002.

² См.: Ильинский И. М. О «культуре» войны и Культуре мира. М., 1999.

³ См.: Преодолевая барьеры: диалог между цивилизациями. М., 2002.

ского устранилось из телевидения и радио, отдало их на откуп циничного чистогана, формируется какая-то примитивная (американофицированная) молодежная субкультура. Не мудрено: молодые люди Москвы и других городов-миллионников слушают ту же поп-музыку, обожают тех же поп-идолов, говорят на том же сленге, вкушают те же чипсы и гамбургеры, пьют те же напитки (пепси, кола и т. д.), что их сверстники из Нью-Йорка, Лондона, Парижа и др. Употребляют те же наркотики (экстази) и выводят это название и ненормативную лексику на стенах домов на «аглицком» языке.

Как показывают социологические исследования, школьники зачастую не ставят ни во что своих преподавателей, которые не знают кумиров «попсы». Между тем не секрет, что ныне рок-дискокумиры балуются не только «травкой», слабыми наркотиками, но и тяжелыми — героином. (Хотя есть и примеры противоположного плана, когда «властители душ» проводят антинаркотические акции.) Следуя моде, ряд известных групп включали в свой репертуар произведения с ярко выраженными сатанинскими мотивами. Так, Мик Джаггер, лидер легендарной группы «Роллинг Стоунз», поместил в свой альбом песни «Симпатия к дьяволу», «По требованию их сатанинского величества». Музыка влияет на человека, на его подсознание. Используется, в частности, такой прием внедрения сатанинских идей в неокрепшие умы и души молодых, как прием обратного звучания. Исследования психологов, проведенные в этой области, показали, что подсознание может уловить фразу, записанную наоборот, а затем расшифровать само сообщение, даже если оно выражено на неизвестном аудитории языке. Например, в песне «Битлз» «Революция №9» было закодировано сообщение: «Начинай курить марихуану и обрати меня против покойника» (Иисуса Христа. — Д. М. и А. К.).

Наиболее сложной, деликатной сферой общества, которая тем не менее чувствует на себе процессы глобализации, является религиозно-духовная сфера. Некоторые из ведущих идеологов глобализма напрямую утверждают, что в основе «нового мирового порядка» будет лежать не что иное, как новое религиозное сознание. Жак Аттали, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития, член Бильдербергского клуба, в своей книге «За линией горизонта», обрисовав технологию создания «планетарной политической власти», указывал, что остается только придать всему этому смысл, причем этот смысл будет религиозным¹.

Глобалисты, которые рассматривают возможность использовать процессы глобализации в своих политических и идеологических целях, делают ставку на внедрение в каноническую жизнь Российской православной церкви экуменизма. Есть экуменизм и экуменизм. Во-первых, экуменизм как сложнейшая богословско-теологическая проблема, уходящая корнями в толщу истории, во времена разделения христианства на западную и восточную ветви. В свое время отечественные религиозные мыслители, в том числе о. Сергей Булгаков, вели разработку этой темы. Во-вторых, экуменизм нередко насаждается как инструмент проникновения глобализма в политическую и духовно-нравственную сферы различных обществ. Так, под прикрытием разговоров об экуменизме католики-униаты в начале 1990-х годов, после развала СССР, насильственным образом захватывали православные храмы на Украине. Причем это делалось с молчаливого согласия Ватикана.

По словам митрополита Ладожского и Петербургского Иоанна, «мировая религия», общая для всего человечества — а именно она является конечной целью всех усилий экуменистов, — есть не что иное, как идеологическое основание экуменизма, мировоззренческий фундамент «нового мирового порядка»².

¹ Элементы. 1992. №2. С. 7.

² Иоанн, митрополит. Смотрите, не ужасайтесь... // Русь державная. 1995. №17–18.

Действительно, многие морально-этические нормы, которые «идут в ногу со временем» в современной жизни Запада, оказались неприемлемыми для традиционно настроенных православных верующих России. Среди решений Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), основной экуменической организации, в работе которого с 1961 г. участвуют представители Русской православной церкви, наиболее негативно встреченных православием, можно назвать принятую в Найроби (1975 г.) резолюцию ВСЦ о рукоположении женщин и одобренные ВСЦ случаи рукоположения (в том числе в епископский сан) и венчания представителей сексуальных меньшинств¹.

В Основах социальной концепции РПЦ подчеркивалось, что Священное Писание и учение Церкви недвусмысленно осуждают гомосексуальные половые связи, усматривая в них порочные искажения богозданной природы человека. Церковь полагает, что лица, пропагандирующие гомосексуальный образ жизни, не должны допускаться к преподавательской, воспитательной и иной работе среди детей и молодежи, а также занимать начальственное положение в армии и исправительных учреждениях².

В указанных «Основах...» целый раздел посвящен проблемам международных отношений и глобализации. Прежде всего, здесь отмечается, что христианская этика распространяется не только на сферу личной жизни человека. «Христианский идеал поведения народа и правительства в сфере международных отношений заключается в «золотом правиле»: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7.12).

Дана оценка принципам суверенитета и территориальной целостности. Они рассматриваются Церковью как базовые для защиты народом его законных интересов

и являются краеугольным камнем межгосударственных договоров, а значит, всего международного права. Помня о том, что единство есть благо, а разобщенность — зло, Церковь приветствует тенденции к объединению стран и народов, особенно имеющих историческую и культурную общность, при условии, что эти объединения не направлены против третьей стороны.

Подчеркивается, что реальностью становится феномен правовой и политической регионализации и глобализации. В §XVI.3 и XVI.4 «Основ...» всесторонне рассмотрен процесс экономической, политической и информационно-культурной глобализации. С одной стороны, следует признать, что речь идет о неизбежном процессе, связанном с развитием рынка, информационных технологий, средств коммуникации. С другой стороны, Церковь призвана отстаивать в этой новой ситуации принципы честного, справедливого, взаимоуважительного и равноправного сотрудничества. «Недопустимо, чтобы, используя глобализацию, — указывал митрополит Кирилл, — ограниченное число людей концентрировало в своих руках мировую власть и богатство. Недопустимо также, чтобы народы, к которым принадлежит почти три четверти населения Земли, оказывались выброшенными на обочины мировой цивилизации»³.

В культурно-информационной сфере глобализация, по мнению РПЦ, обусловлена развитием технологий, облегчающих перемещение людей и предметов, распространение и получение информации. Однако данный процесс сопровождается попыткой установления господства богатой элиты над остальными людьми, одних культур и мировоззрений над другими, что особенно нетерпимо в религиозной сфере. В итоге наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную без-

¹ См.: Экуменическая пресс-служба. 1991. № 25, 28.

² См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // Общественные общероссийские чтения основ социальной концепции Русской православной церкви. М., 2001. С. 97–98.

³ Журнал Московской Патриархии РПЦ. 2000. № 10. С. 53.

духовную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила истины. Такое развитие глобализации многими в христианском мире сопоставляется с построением Вавилонской башни. Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинного равноправного взаимообразного культурного и информационного общества, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ¹.

Таким образом, глобальная религия, как и глобальная культура, замешанная на единой глобальной либеральной идеологии, противоречат самой сути человеческой культуры, основанной на разнообразии человеческого бытия, на богатом наследии социокультурных традиций и религиозного опыта разных народов.

Возвращаясь к началу настоящей статьи, можно вполне определенно заявить, что непосредственных плюсов для России от процессов глобализации практически нет. Опасностей и угроз же более чем достаточно. Не исключено, например, что в условиях

все более растущего недостатка разнообразных ресурсов (нефть, газ, уголь, лес, чистая питьевая вода) Россия может столкнуться и с принципиально иными вызовами. Например, на Западе может быть выдвинута концепция «мирового наследия». Ее адепты станут утверждать, что все земные ресурсы есть общее достояние человечества и все народы имеют право ими распоряжаться. Сможет ли Россия с ее огромной территорией и уменьшающимся населением со слабой экономикой и армией дать достойный ответ на такой вполне реальный вызов? Ведь все это совсем не фантазия, ибо идея «мирового наследия», можно сказать, «носится в воздухе» и она вполне в духе современных глобализационных тенденций и уже упоминавшегося очевидного недостатка ресурсов на Западе, необходимых для сохранения уже имеющегося качества и уровня жизни и продолжения глобализации.

Поэтому, чтобы не просто выжить, но и быть готовой к адекватному ответу на вызовы нового века, чтобы извлечь плюсы от новых этапов глобализации (если они еще будут), России нужна глубокая внутренняя модернизация, разумная, продуманная и долговременная политика, основанная на главенстве национальных приоритетов.

¹ См.: Основы социальной концепции... С. 118.